

Олег Мошников

Чем время владело—владей!

Можно ли с Дона и Волги
Юные годы вернуть?
К морю стужёному долгий
И заколоденный путь.

Город, губерния, волость—
Вольный кусается дым...
Рвёт наворóженный волос
Куйпога ветром седым.

Диду

Памяти Ф. И. Галинки

Под могильный камень,
В жигу и суглинку,
Не отпустит память
Фёдора Галинку:

Плачет небом слёзным
Ненько Украина,
Что в карельских соснах
Зыблется незримо.

Твердь песка сырого—
В изголовье деда:
Здесь его «Аврора»,
Здесь его Победа!..

Остудили лужи
Фронтовые раны.
Подвиг твой не нужен
Самостийным странам.

Как плацдарм последний—
Скорбная граница:
Голубой штакетник,
Мятлик и кислица.

Уповать на память—
Беречь обиду...
Что же будет с нами
И Россией, диду?

Безоглядной веры
Я твоей не стою,
Стоя пред фанерной
Красною звездою.

Крест одиночества—присно и ныне...
Ветреным, спутанным кронам не верь:
Памятно, ближе всего к сердцевине—
Время взросления, горечь потерь.

Все мы—будем землёй... Это больше,
Чем всполохи танцующих муз.
Нет ни щёлочки в замысле Божьем,
Ничего: ни желаний, ни чувств,—

Кроме сладкого духа сирени,
Диких роз—в придорожной пыли!
Сбились строчки. Дрова отгорели...
Всё сильнее притяженье Земли.

В чумной завьюженной сонате
Слышны Вийона бубенцы...
В толпе вагантов—на подхвате—
В дороге Брейгеля слепцы,

В базарный день, расправив плечи,
Они сыграют и споют:
И станет сразу на день легче—
Чумы, судьбы, котомок спуд.

Синий зимник

Между осенью и раем—
Мы путей не выбираем:
Мы летим—в клубах до неба—
Вихревой дорогой снега!

Седоков ямщик не слышит,
Крутогор пурги—всё выше.
Сколько лет отмерят зимы—
Вёрсты неисповедимы...

Круговерть—по всей России.
Ввысь уходит зимник синий.
Стелют путь снежинки густо...
На земле бело и пусто.

Папа пришёл...

Наставления папы нужны для чего?
Для чего эти ш-ш-шики и строгие взгляды? —
Для того, чтобы после уткнуться в плечо,
Для того, чтобы папа был рядом.

Просто чтобы, прижавшись по-детски, забыть
О годах, на ветру леденящих слезинки:
Помогают большие ладони судьбы,
И колючей щеки — дарят ласку щетинки.

Перебои ранимого сердца — нежны,
И от долгой разлуки — невысказанно больно:
Для любви нескончаемой папы нужны! —
Чтобы волосы сына взлохматить невольно...

Церковь-музей

От скрипа дверного — до гулко-го свода:
Соборностью русской увлечь
Способна восторженностью экскурсовода —
Горящая верою речь!

Работа в музее — служению церкви,
Причастию верных сродни...
Приглушены звуки, айфоны померкли —
Минувшего дышат огни

В разгаре чумы, суеверья и битвы:
Чем время владело — владей! —
Невидимых предков восходят молитвы
К сердцам попригихших людей.

Путешествие в Кахетию

Чего мы не видели в этом краю?
Крутой перевал снегопадом завесил
дорогу — к нагорному монастырю.
Давно мы грузинских не слышали песен

и паче молитв... и не пили вина:
«За мир!» — с воевавшим в Цхинвале грузином:
Зелёный, медовый, весёлый — страна
с полей виноград в самосвалы грузила.

А в Город Любви — круглосуточный загс
женатых туристов всё манит и манит:
осенними листьями падает в нас
влюблённый в Сигнахи Нико Пиросмани.

Всего, что о Грузии знали, — не счесть:
Боржомы, хинкали и ачмы хватило.
Приходит, проходит желание есть...
А надо — чтоб всё *это* памятно было!

.....

1. Гора Ай-Петри (*греч.*) — Святой Пётр.
2. Храм в п. Марциальные Воды, Карелия.

Подземный переход

Сызнава приходится тальянке
Повторять пропущенные звуки:
Западают орденские планки,
И дрожат пергаментные руки.

За копейку плечи не расправишь,
За копейку — жалкие, слепые
Пальцы из провалов мягких клавиш
Выведут страдания любви,

И сорвётся сердце на аккорде...
Поводырь душевности нездешней —
Музыка забвенья и надежды,
Музыка в подземном переходе.

Преображение

Скалы, ливанские кедры,
Южные берега.
К серой короне Ай-Петри¹
Тянутся облака —
Мимо дороги канатной,
Спящих в прудах черепах...
Зримо, чудно и занято
Грезятся в горных столбах —
Новоманерные шпильи
Церкви Святого Петра².

Тонут тропинки в крапиве,
Лезет к воде мошकारа;
Ключ марциальный карелу
Отпер глухую скалу:
После Петра — и по делу —
Марсу воздайте хвалу!
К месту — и флагман представил —
Брамсели, стеныги, бушприт:
Славу петровских баталий
Храм Габозерский хранит...

В тёмном болотном оконце
Перевернулись миры:
Блещет карельское солнце
В маковках крымской горы!

Ручьи...
Вы чьи?
Вода...
Куда?
Болотных чар —
клубится вар...
Дознаться
мне бы:
глубоко ль
Небо?

Мир

Я возьму память земных вёрст...

Р. Рождественский. Москва—Кассиопея

«Я возьму... с собой... этот мир»,—
Напевая, вспомнив советский фильм,
Домочадцев строчкою утомил.
Вдохновенно, лучше звучат Трофим,
Розенбаум, Визбор, Булат, Лоза...
Ничего не взявши, уйду нагим.
И закроет Космос мои глаза.
Что ж, музы́ке слов подчинённый, мир
О себе—в стихах моих— всё сказал
И, сказав, звёздных достиг глубин—
Берегов и мелей родной реки,
Побуждая лирику, а не гимн,
Полюбить. Плыть в этот мир *другим*.

На Мёртвом море

«В путь, земляки! Какие шутки?
Израиль вам— не заграница!»
Экскурсовод— Нагиев в юбке,
С Татарки киевской девица,—
Шутя, народ перезнакомит,
Погасит ропот возмущённый...
Грузин— дружок на Мёртвом море,
Кунак— хохол, в Днепре крещённый,
В китов не тонущих играют:
Даёшь Союз! Нон пропаганда!..
На русском говорит Израиль.
«По коням!»— отдана команда.
Воспоминанья в самолёте
Нахлынут— встречи, шутки, лица:
Когда ещё вы шанс найдёте—
Так, не нарочно, подружиться?

Пункт №1: Командир всегда прав!

Армейская премудрость

Дым сигарки— строфа,
Чёрный чад— воронё...
Так до дембеля думал «старик»:
«Грудь— в крестах»— не слова,
«Всё проходит»— враньё!—
И не поздно приказ обкурить,
Что прочёл командир,
Закрепляя успех,—
«Первый пункт приказанья— зри!»...
Как Устав ни крути,
У начальника— верх.
Огонёк табачка— от зари.

Нострадамус— что дышло!
Саласпилс, Украина—
На скрижалях... А вышло:
Нет эпохи единой.

Зёрна веры пречистой—
Вновь накрыло волною,
Где герои— нацисты,
А Победа— виною...

Всенародное горе—
Сколько сгинуло люду!—
Не своё, не родное...
Оболгут— и забудут.

Тохтамышевой данью
Заручились прибалты:
Всё идёт к оправданью...
А хотелось бы— правды.

Глаза луны

Луна в кольце—
 преддверье снега...
Немного жутко оттого,
что кто-то строго
 смотрит с неба—
 посредством глаза одного...

— Эй, одноглазый!—
 парень тёртый—
шпана с соседнего двора—
в обличье лунном
 дразнит чёрта:
тикает с горки детвора
семидесятих!..

Детским страхом
забытым пятки щекотать
как будто поздно—
 в сорок с гаком...

Но смотрит Время,
 аки тать,
 двойной сияющей луною,
зрачком безжалостным дыша,
 на тех—
 кто борзой был шпаную,
погиб от водки и ножа.

А что луна? Луна— не больше,
кружок, повешенный на гвоздь...
Во тьме метельной око Божье—
всё знало,
 видело насквозь.